

УДК 94
ББК 63.2

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии,
Сибирское отделение Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия), e-mail: vanchikova.ts@gmail.com

К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории»¹

Личность Чингис-хана всегда вызывала неоднозначный интерес. В советской историографии он рассматривался как дикий и жестокий завоеватель. В связи с началом демократических перемен появилась возможность объективной оценки его деятельности, роли и места в истории. В статье рассматриваются истоки возникновения культа Чингис-хана на материалах «Белой истории», первого письменного свода законов составленного во второй половине XIII в. первым юаньским императором Хубилай-ханом совместно с тибетскими буддийскими монахами школы Сакья. В работе использованы уникальные сведения статьи Ц. Ж. Жамцарано, в которой им впервые было дано описание памятного мемориала Чингис-хана, основанного по указу императора и находящегося в Ордосе, Внутренней Монголии.

Ключевые слова: Чингис-хан, перерожденец Ваджрапани, возникновение культа Чингис-хана, «Белая история», основной закон Монгольской империи, Ордос, 8 белых юрт, современные интерпретации.

Tsymzhit Purbuevna Vanchikova,
Doctor of History, Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: vanchikova.ts@gmail.com

To the Question of Genghis Khan Veneration: Based on *The White History*

Genghis Khan's personality has always been of ambiguous interest. In Soviet historiography, he was regarded as a wild and cruel conqueror. Due to the beginning of the democratic changes there appeared an opportunity to evaluate objectively his role and his place in the world history. The article deals with the origin of the cult of Genghis Khan according to the materials of *The White History*, the first written code of laws compiled in the second half of the 13th century by the first Yuan emperor Khubilai Khan together with Tibetan Buddhist monks of the Sakya school. In the article unique information from the work by Tsyben Zhamtsarano in which he gives the first description of Genghis Khan's memorial situated in Ordos, Inner Mongolia was used.

Keywords: Genghis Khan, reincarnation of Vajrapani, origin of Genghis Khan's cult, *White History*, the main law of the Mongolian empire, Ordos, eight white yurts, modern interpretations.

Тема статьи тесно связана с проблемой о роли личности Чингис-хана в мировой истории и в истории Монголии соответственно. Имя Чингис-хана не утратило своего политического значения и для современной Монголии, явным подтверждением чему являются многие факты, такие как использование символов государственной власти, установленных Чингис-ханом и его последователями в современных реалиях, возведение памятника Чингис-хана на

центральной площади Улан-Батора перед зданием правительства, проведение государственных обрядов поклонения горе Бурхан-Халдун, официальное установление празднования Дня рождения Чингис-хана 14 ноября каждого года, начиная с 2012 г., названного «Днём монгольской гордости» (Монголын бахархалын өдөр), церемонии принятия воинской присяги перед воинским знаменем Монголии (Хара сулдэ) и многое другое.

¹ Публикация подготовлена в рамках совместного проекта СО РАН и АН Монголии и Министерства образования, культуры и науки Монголии № 17 «Монголия-Сибирь в ретроспективе веков (17–21 вв.)»

Во Внутренней Монголии, в Ордосе, до настоящего времени сохранился и развивается культ почитания Чингис-хана, трансформированного и адаптированного к современным условиям. Всё это актуализирует исследования, посвящённые истории возникновения и функционирования культа Чингис-хана, необходимые для того, чтобы дать объективную оценку данного феномена, выявить его роль и значение в жизни современного общества. Исходя из вышеизложенного, целью статьи является выявление его истоков и установления основ государственного культа почитания Чингис-хана, которые впервые были систематически изложены в «Белой истории» (*ᠰᠠᠭᠠᠨ ᠲᠡᠭᠡ*), монгольском историко-правовом сочинении, составленном во второй половине XIII в. Хубилай-ханом, в котором Чингис-хан впервые назван перерожденцем буддийского божества Ваджрапани: *vaḥiḡ-a-baani-yin qubilyan temüjin neretü köbegün törijü* [1, с. 36], ставшего гением-хранителем монголов и Монголии.

Как известно, при жизни Чингис-хан не стремился к личному возвеличиванию и обходился именем и титулом всемонгольского хана.

Монголы стали почитать своего великого лидера и основателя государства сразу же после его кончины. После смерти Чингис-хана в 1227 г. его тело было тайно похоронено в соответствии с традиционными монгольскими обычаями.

Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» пишет, что Чингис похоронен на горе Бурхан-Халдун (в верховьях Онона и Толы в Халхе) и что место его погребения охраняется особым караулом из племени урянхат: «В Монголии есть большая гора, которую называют Буркан-Калдун... Чингиз-хан [сам] выбрал место для своего погребения и повелел: «Наше место погребения и нашего урука будет здесь!»... Дело обстояло так: однажды Чингиз-хан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешил под ним и обрёл некую отраду. Он сказал: «Эта местность – подходящая для моего погребения! Пусть её отметят!». Во время оплакивания люди, которые слышали тогда от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность [для его могилы]. Говорят, [что] в том же самом

году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его [Чингиз-хана] погребения [совершенно] не опознают. Даже старые лесные стражи, охраняющие то место [куругчиян], и те не находят к нему пути. ... Охранители этого великого заповедника [гурук] суть эмиры племени урянкат» [6, с. 233–235].

В монгольских исторических преданиях, например, в «Эрдэнийн эрихэ», в «Алтан тобчи» и других летописях приводятся разные версии о месте захоронения Чингис-хана; например, в «Эрдэнийн эрихэ» сообщается: «Он был сыном Хормуста-тэнгри... Поскольку каждый, умирая, должен оставить своё священное тело на месте, то прах Чингиса-хагана также остался на земле. Его прах поместили в небесном дворце, называемом “Цомцог”» [2, с. 152]. В «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, так же и в «Шара туджи», указано, что «Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэк» [5, с. 242].

Относительно выбора места для возведения восьми белых дворцов-юрт для совершения подношений Чингис-хану и обрядов, связанных с его именем, нет конкретных сведений за исключением монгольской легенды, которая встречается также в нескольких вариантах. В монгольской летописи XVII в. «Шара туджи» об оставлении для почитания реликвий – личных вещей Чингис-хана в местности Муна сказано следующее, что во время похода против тангутов государь отметил хошун Муна: «В мирной державе – удобное кочевье, в разорённой дубраве – убежище. Преследуемый изюбрь ищет защиты!». Когда же процессия с телом достигла «болотца у склона горы Муна, то ступицы одноколки погрязли. Сорок пять аргамаков не смогли сдвинуть». И лишь после речи суннитского Хилугэтэй Багатура, который напомнил государю о родных кочевьях, одноколка двинулась. «С тех пор самый вечный прах его стал опорой для ханов и дзайсанов, стал святыней для всех, стал самыми вечны-

ми устоями, восемью белыми юртами. Ещё раньше, когда Эдзэн-богдо шёл здесь, то любовался местом Муна-хан и повеление сделал, и говорят, что это было причиной того, что теперь ступицы повозки погрязли ... Там, говорят, похоронили рубашку, которую носил, и один чулок» [8, с. 135–137].

В «Алтан тобчи» имеется уточнение о том, что, поскольку среди монголов были распространены «слухи», говорящие, что Чингис похоронен около горы Муна, на самом деле «погребли [в этом месте] только его одежду и чулки [и поставили над ними юрту]», а народу обманно объявили, что хан похоронен здесь [5, с. 242]. Потому, возможно, что в Ордосе были захоронены личные вещи хана под видом настоящей гробницы для того, чтобы удовлетворить потребность народа в почитании хана, а затем, спустя несколько лет, по указу Хубилай-хана вокруг этого места были установлены восемь белых юрт-дворцов.

Действительное место захоронения Чингис-хана до сих пор не установлено и всё ещё является предметом дискуссий.

Официальные же церемонии почитания Чингиса происходят в Ордосе, в местности Баян Чомчук, в Эджен-Хоро. Здесь производятся подношения Чингису-хану, хранятся его реликвии, но не его останки.

Впервые научное описание Эджен Хоро было выполнено в 1910 г. Ц. Жамцарано, который писал: «... в настоящее время, приехав в Эджен Хоро, мы находим весьма жалкую, заброшенную войлочную юрту на кирпичной платформе. Юрта называется «Чомчук»... Она увенчана золотой верхушкой, окон нет, дымовое отверстие почти всегда закрыто, а поэтому в юрте царит полумрак: свет падает через дверь и от лампад. Здесь-то и хранятся реликвии Чингиса...

В северо-западном углу платформы, недалеко от «Чомчук», стоит одна юрточка под названием шан, или сан, т. е. казна... На восточной стороне от Чомчук стоит другая юрточка для сторожа. Все юрты заключены в ограду, сложенную из досок. Ограда охватывает лишь северную половину платформы, так что южная половина платформы совершенно открыта и предназначена для молящихся... В саженях пятидесяти

к северу от Чомчук расположился маленький аул дархатов, примерно 30 семейств» [4, с. 199–200].

Мы не ставим целью дать этнографическое описание культа Чингис-хана. Этот вопрос наиболее полно освещён в работе Ц. Ж. Жамцарано [4], а также в исследованиях С. Д. Дылыкова, К. Сагастера, Е. Кьодо, ученых Внутренней Монголии Сайн-жаргала и Шаралдая и др. [3; 7; 9; 10; 11; 13; 14; 15].

Согласно сведениям дархатов, обряды почитания Чингис-хана начались с Угэдэй-хана (1186–1241), второго великого хана Монгольской империи и третьего сына Чингис-хана.

В «Белой истории» сообщается, что официальное почитание Чингис-хана было установлено Хубилай-ханом (1215–1294), пятым великим ханом Монгольской империи, правнуком Чингис-хана, который законодательно установил культ почитания Чингис-хана: «Хубилай Сэчэн-хаган, воздвигнув восемь белых юрт для всеобщего поклонения Алтан-гэгэну [т. е. Чингис-хану], установил великий... обычай» (yeke yauiqamsiytu-yin tula mingyan altan kürdün-i ergigülügçi qubilai cakravar-un sečen qaγan altan // 1v gegen-ü yerüngkei-yin sitügen naiman čaγan ger-i bayiyulju torγan (?) yeke yosu-yi toytaγaysan anu) [1, с. 28].

Как гласит «Белая история», мемориал в память о Чингис-хане, называемый «Восемь белых юрт» и находящийся в Ордосе, был учреждён Хубилаем [1, с. 28–29] в шестом месяце третьего года его правления, т. е. в 1267 г., по докладу нескольких сановников – сыновей соратников-гвардейцев Чингис-хана [4, с. 195].

Хубилай-ханом было выделено определённое количество монголов (в то время 500 семей) из всех племён Монгольской империи, названных дархатами, которые были отобраны для управления и наблюдения за отправление церемоний и обрядов почитания Чингис-хана и защиты восьми белых юрт (дворцов), которые впервые были изложены в «Белой истории»: «[Возложив] подношение нужных предметов для праздника жертвоприношения четырём временам (dörben čaγ-un tayiγ-a-yin qurim)

на тумэн двенадцати отоков ордосов¹, постановил строго совершать подношения» (takiqu dörben čay-un tayily-a-yin qurim-du kereglekü jüil-i arban qoyar otoγ ordos tümen-dür qatangyadqan takiqu bolγan toytayabai [1, с. 28]. В соответствии с установленными правилами они были освобождены от оплаты всех налогов, податей и военной службы, потому их и называли дархатами, т. е. освобождёнными от налогов или каких-либо обязанностей.

По указу Хубилай-хана была также создана и утверждена административная структура дархатов, которая поддерживалась в течение веков вплоть до настоящего времени. Так, в «Белой истории» говорится: «Из вельмож, по правилам управляющими жертвоприношениями всеобщему [объекту] поклонения, главный – хонджин², второй – илгагчи-тайши³, [следующие] – зайсан⁴, нойоны сорока юрт⁵, четыре

дархата⁶» (ene yerüŋkei-yin šitügen-ü takil tabiy-i yosučilan jakirqu tüşimed-ün terigün qonjin: ded ilγayči tayiši: jayisang: döčün ger-ün noyad dörben darqad [1, с. 28]). В «Белой истории» также упоминается, что всех должностей у дархатов было 61 [Там же]. В период маньчжурского правления, несмотря на коренные изменения, произведённые в традиционной монгольской административной структуре (таких, как установление знамен и сеймов), только административная структура дархатов сохранилась без крупных изменений.

Согласно «Белой истории» общий надзор за правильностью отправления культа и за дархатами принадлежал джинону, который упоминается наравне с ханом и скорее всего им назначался, один из представителей ханского рода: «Штраф с нойонов юрт⁷ взимают хан и джинон⁸ (ger-ün noyad-un anju-yi qaγan ba jinong abtuγai) [1, с. 30]. В период Монгольской империи он был высшим чиновником, ответственным за порядок совершения обрядов. В последующий период, до маньчжурского правления, титул «джинон» стал обозначать чиновника, который, главным образом, ведал государственными делами в дополнение к делам, связанными с проведением обрядов и церемоний. Во времена маньчжуров власть джинона была ограничена, но, тем не менее, он оставался главой дархатов и назначался непосредственно маньчжурским двором. Джинон не был ни дархатом, ни чиновником (ямутад), им мог стать только человек, принадлежавший к золотому роду (altan uruγ) борджигин [4, с. 198].

Судя по тексту «Белой истории», все расходы по содержанию дархатов, по проведению обрядов возлагались на монгольское население, в случае не надлежащего исполнения обязанностей с чиновников взимался штраф. Из содержания «Белой

¹ Двенадцать отоков десяти тысяч ордосов (arban qoyar otoγ ordos tümen). Современное южно-монгольское племя ордосов относится к так называемым «новым племенам», которые возникли в процессе образования монгольского государства, так же как и кэшигтэны и торгуты. Кэшигтэны были телохранителями Чингис-хана, а торгуты – специальной дневной охраной. Ордосы, кэшигтэны и торгуты состояли из особенно надёжных «членов различных племен и их семей, которые с течением времени срослись в новые объединения» [14, с. 223].

² Qonjin – древнемонгольское название одного из восьми чиновников (naiman yamutan), возглавляющих дархатов, в обязанности которого входило исполнение гимна во время жертвоприношения Чингис-хану [4, с. 199]. В комментариях к «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна – «хонджин – название чиновника, отвечающего за правильность церемоний и обрядов» (yosulal-un kereg yabudal-i erkilekü) [12, с. 344].

³ Ilγayči tayiši – этим термином обозначались четыре тайши: nomči tayiši, törüči tayiši, erkilegči tayiši и öljei tayiši. Тайши > от кит. «Тай-ши», переводимого как «великий учитель, наставник», – один из административных институтов, образованных при Чингис-хане. Носители этого титула были одними из высших придворных чиновников. Здесь речь пойдёт о тайши – одном из восьми чиновников, хранителей культа Чингис-хана у дархатов, в обязанности которого входило хранение ключа от сундука с реликвиями Чингиса и его супруги [4, с. 198; 14].

⁴ Судя по тексту, зайсан наряду с тайши возглавлял оток ордосских дархатов, в обязанности которых входило наблюдение за юртой и реликвиями Чингис-хана. Как пишет Ц. Жамцарано: «роль зайсана – распорядительная» [4, с. 198; 14, с. 214].

⁵ Döčün ger-ün noyad – букв. переводится как «нойоны сорока юрт». В данном случае предпочтительней вариант перевода «сорок нойонов юрт», т. к. общеизвестно число юрт, посвящённых Чингис-хану – «восемь белых юрт» (naiman čaγan ger). Нойоны юрт – должность надсмотрщиков за юртами с реликвиями Чингис-хана.

⁶ Четыре дархата – четыре особых ордосских поколения от четырёх приближённых Чингис-хана, которых он за их особые заслуги освободил от налогов и которые являются хранителями культа Чингис-хана, основанного Хубилай-ханом и в их обязанности входит забота о «восемь белых юртах» (см. выше). Четыре дархата вместе с сорока нойонами юрт являются одними из высших служащих в чиновничьем аппарате, список которых приводится в «Чаган тэукэ».

⁷ Нойоны юрт – должность надсмотрщиков за юртами с реликвиями Чингис-хана.

⁸ Джинон – распорядитель, глава над дархатами, назначавшийся ещё со времен Канси указом Богдо-хана.

истории» видно, что в качестве дани для проведения обрядов с населения взимались: айрак, архи, арза¹, войлок, топливо (дрова), скот (лошади, овцы, верблюды). За количеством и качеством предоставляемой дани осуществлялся строгий контроль, в случае отсутствия или плохого качества накладывался штраф, о чём детально повествуется в тексте «Белой истории». Например, «Если не хватает дерева для дворцового становища, то с каждого дерева снимать по одному *boda*². Если не хватает меры войлока [для юрты] или он плохой, то незамедлительно изъять две лошади. Если его совсем не хватает, то нойоны юрт должны платить штраф. Как штраф изъять две девятки [скота] во главе с верблюдом. Если у человека, который приготовил коня, барана, айрак, араки, арза, другой человек отберёт, то наложить [на последнего] штраф – одну девятку скота во главе с верблюдом. Взыскание установленной дани с двенадцати внешних отоков возлагается на нойонов юрт и старейшин» (*terigülegçi-ner*) [1, с. 28–30]. Общий контроль над сбором дани и по сбору штрафов с населения и с провинившихся чиновников должен был осуществляться джиноном.

Наивысшим же чином – ноеном над дархатами был джинон, функции которого были надзирательные и контролирующие. Так, в его обязанности входил сбор штрафов с дархатов: «Штраф с нойонов юрт взимают хан и джинон» (*ger-ün noyad-un anju-yi qaγan ba jinong abtuγai*) [Там же].

Непосредственно для исполнения церемоний официально назначались специальные чиновники – восемь больших ямутад (*naiman yeke yamutad*) с определёнными должностями и ответственностью. Ямутан – чиновник из дархатов, отвечающий за совершение и проведение обрядов подно-

шений и других дел, связанных с восемью белыми юртами и обрядами. В то время как джинон, скорее всего, почётный титул чиновника, который посещает обряды и проводит их от имени монгольского двора, – не отвечает за ежедневные обряды, за которые ответственны ямутад [1, с. 72].

Ц. Ж. Жамцарано приводит названия этих восьми сановников, которые делятся на 2 ранга: 1-го ранга – тайши, тайбу, зайсан, хонджин; рангом ниже: кухо, черби, чинсан и кашха. Как он пишет, ему удалось установить обязанности только некоторых из них: так, например, тайши хранит ключ от сундука, в котором хранятся реликвии Чингиса и его супруги. Тайбу во время жертвоприношений вместе с кашха подаёт высокопоставленным гостям вино в золотых рюмках. Хонджин поёт гимн. Кухо произносит великую и малую речь в честь Чингиса во время кровавых жертвоприношений, а чинсан наговаривает при ворожбе на бараньих внутренностях. Роль зайсана – распорядительная, роль черби – неопределённая, он как бы исполняет особые поручения при дворе [4, с. 198].

Далее идут более мелкие чины, как-то, *галчи* (сухечи), в обязанности которого входит разжигание огня в очаге Чингиса, т. е. перед реликвиями, и поддержание постоянного огня лампы. *Маннайчи* и *табуд* подают блюда и приборы Чингису во время подношения; *иру* зачинает в хоре, когда поют гимн перед и во время жертвоприношения; *чарги-чи* бряцает дощечками во время пира; *тул* режет мясо на соответствующие порции согласно ритуалу и раздает, кому что следует, согласно положению или чину; *хумхачи* наливает вино в бокалы, *харулчи* возвращает бокал от эджена; *иролчи* говорит благопожелания; на празднества приезжает *джилочи*, т. е. конюх, причём *йеке джилочи* – конюх государя, а *бага джилочи* – конюх государыни. Есть номинальные военные звания, как, например, *тумету* – десяти тысячник, *мингату* – тысячник [4, с. 199].

Такова была структура и обязанности дархатов, специальной группы людей, предназначением которых было служить культуре Чингис-хана в Ордосе, в восьми белых дворцах к началу XX в.

Что же касается самих обрядов, то в «Белой истории» сообщается, что специальным указом Хубилая были установлены

¹ Айрак, араки и арза (*ayiraγ, araki, araja*): айрак – кумыс, араки – молочная водка первичной перегонки и арза – водка двухкратной перегонки. Все эти продукты изготавливались из молока. Таким образом, в дань входили и молочные продукты.

² Бодо (*boda, bodu*) – единица измерения скота, состоящая из одной коровы или быка, одной лошади, половины верблюда, семи овец или четырнадцати коз. Бодо – букв. «крупный скот» – условная единица, употребляемая при подсчёте скота разных видов в переводе на одну голову крупного скота. Состав бодо не был постоянным, он мог изменяться. Например, количество скота, составлявшего один бодо, в «Их цааз» равнялось одному коню, одной корове и пяти овцам; два бодо равнялись одному верблюду [3, с. 39].

четыре даты в году («праздники подношений четырёх времён»¹), которые официально вводили культ основателя монгольской государственности – Чингис-хана в государственный годичный цикл праздников, в котором эпизоды жизни Чингис-хана были скоррелированы с важнейшими народными обрядами монголов: 3-го числа первого зимнего месяца отмечался день рождения² Чингис-хана «милагад»³. Поэтому совершать праздник [в честь] отпускания зимней тасумы⁴ в этот день» [1, с. 50]; 21-го числа третьего месяца весны – в день получения первого молока кобылиц: «Когда Чингис-хаган, привязав девяносто девять кобылиц, разбрызгивал белое жертвоприношение»⁵.

¹ Праздники четырёх времён. Возникновение культа почитания духа Чингис-хана было начато Угэдэй-ханом. Официально культ был разработан и утверждён Хубилаем. В соответствии с принципами «двух законов» все проводимые в Юаньской империи празднества делились на религиозные и светские. Первые были связаны с основными событиями из жизни Будды: его рождением, борьбой и победой над инаковерцами, достижением просветления и уходом в нирвану. В эти дни совершались большие богослужения в храмах. Вторые, по аналогии с религиозными, связаны с теми или иными событиями из жизни Чингис-хана. Первые назывались «благодеяния четырёх времён» (*dörben çaу-un buyan*), а вторые – «праздники четырёх времён». Подробные описания проведения празднеств и обрядов, посвящённых Чингис-хану, даны Ц. Жамцарано [4, с. 200–300] и Сайнжаргалом и Шаралдаем [15, с. 22–241].

² Относительно года и дня рождения Чингис-хана нет единого мнения ни в монгольских летописях, ни у исследователей. Большинство учёных склонно считать наиболее точной датой его рождения 1162 г., а день его рождения – 1-е число первого зимнего месяца (хотя согласно «Белой истории»: «в средний зимний месяц» (*ebül-ün dumda-du quluγun-a sar-a yūnan šinede*) [1, с. 51], а на третий день после его рождения отмечался праздник его пленения (*tasma*).

³ Милийагад (*miliyayad < milayaqu* – «мазать маслом, сметаной изображения онгонов»). Милагад или милагуд – название обряда, проводимого по случаю рождения ребёнка, в данном случае Чингис-хана.

⁴ Тасума (*tasam-a, tasm-a, tasaman*) – тесьма, ремень, узкая полоска кожи. Как отмечает Ц. Жамцарано, так называется зимний праздник, связанный с обрядом пленения Чингис-хана на третий день после его рождения. Согласно обряду, в этот день смотрители юрт открывают сундук Чингис-хана и вынимают содержимое – две подушечки, обвязанные длинным ремешком – тесьмой (*tasum-a*), снимают старую тесьму и заменяют новой. Освободившийся ремень режут на кусочки и раздают молящимся как талисманы [4, с. 228]. Сайнжаргал и Сайшиялту приводят другую мотивацию этого праздника, которую они получили от дархатов, а именно – что этот обряд знаменует собой перевязывание тесьмой пуповины Чингиса после его рождения.

⁵ Белое жертвоприношение (*сауан сацүли*) – обычно в качестве подношений божествам приносились молоко, чай, забелённый молоком, зерно, разные продукты и лучшие части мяса, порезанные на мелкие кусочки. В данном случае имеется в виду подношение молоком. В списках CI-III вместо *сауан* дано *сау* («время, сезон»), что может быть переведено как «сезонное».

Поэтому совершать праздник весны в тот день» [Там же]; 15-го числа восьмого (летнего) месяца, когда начиналась дойка кумыса: «[Чингис] шестнадцатого [числа] луны морин (лошади), среднего месяца лета, привязав триста дойных кобылиц, отмечая получение молозива, совершил обряд получения молозива и приплода»⁶. [Потому] совершать праздник лета в тот день» [1, с. 51]. И осенний праздник – 20-го числа среднего осеннего месяца, когда по обычаю прекращается доение кобылиц в день первого самостоятельного выпаса жеребят [Там же]. Помимо этого, согласно Ц. Жамцарано, дархатами ежедневно утром Чингис-хану совершаются небольшие молебствия во время добавления масла в лампаду, которая должна гореть постоянно, и при возжигании благовоний. Кроме того, в начале каждого месяца ему подносят барана и вино [4, с. 200].

Как известно, монголы исконно поклонялись предкам и Вечному синему небу, которым совершались подношения. Согласно Шаралдаю и Сайнжаргалу, все обряды, совершаемые в белых юртах, можно разделить на религиозные (*süsüg-ün tayily-a*), ежемесячные и сезонные [15].

Месячные и сезонные праздники-церемонии (*tayily-a*) имели фиксированное время проведения и размер подношений. Месячные подношения были следующие: праздник Белого месяца проводился в первый день Нового года (*šine-yin nige*) и на третий день (*šine-yin yurban*). О сезонных было сказано выше.

Помимо этих крупных официальных обрядов религиозные обряды совершались и по требованиям паломников. Они могли выбирать подходящий день (или) время для совершения подношений хану. Размер под-

⁶ Получение молозива и приплода – буквальный перевод словосочетания *уγугау үрис-йен үгүγaysan*, обозначающего древне-монгольский народный обряд, связанный с первой дойкой кобылиц и закваской кобыльего молока и восходящий к культу почитания коня. Основная суть его заключается в совершении жертвоприношения кобыльим молоком божествам и хозяевам местности с целью испрашивания крепкого молодняка и обильных надоев. Этот обряд (*урс гаргах*) сохранился у монголов до наших дней как праздник получения первого кумыса. Порядок проведения этого сезонного праздника, основные обряды, совершаемые во время него, описаны Ч. Содномом [7, с. 29–40]. В связи с установлением культа почитания Чингис-хана монгольские народные календарные праздники были привязаны к отдельным событиям жизни Чингис-хана. (О том, как отмечаются эти праздники, см.: 15, с. 22–122.)

ношений колебался от полкило (kem) масла до крупного рогатого скота (boda mal), в состав которого могли входить лошади, верблюды и быки. Как отмечает Ц. Ж. Жамцарано, чествование Чингиса носит чисто шаманский характер. Все виденные им обряды почитания Чингис-хана отражают религиозные представления монголов XIII в., когда были установлены эти обряды. Три основных момента шаманства, а именно: 1) культ предков (обряд *гарли*); 2) культ огня и 3) почитание тэнгриев сохранились полностью в Эджен-Хоро [4, с. 229].

Наряду с шаманским, как пишет Ц. Ж. Жамцарано, имеется ещё и ламский способ почитания Чингиса. В Эджен-Хоро он видел несколько лам из дархатов, которые на тибетском языке читали гимновосхваление Чингис-хана, возжигали благовонные палочки-худжи и лампадку-зула перед ним, подносили вино. Ламский способ почитания, возможно, был установлен третьим Далай-ламой и пятым Панчен-ламой [4, с. 229].

Итак, из текста «Белой истории» явствует, что при внуке Чингис-хана был официально утверждён государственный культ почитания основателя монгольского государства, в котором Чингис-хан идентифицируется с буддийским божеством Ваджрапани и превращается в верховное божество, небесного покровителя жизни и благосостояния людей. Мы видим также, что был создан специальный слой людей, ответ-

ственных за исполнение и правильность соблюдения культа почитания Чингис-хана, которые сохранили в неизменности традиции, заложенные ещё в XIII в.

Таким образом, в период правления Хубилай-хана культ почитания предка – основателя государства и династии развивается до культа божества, главного династийного и имперского культа. Важно в этой связи особо обратить внимание на следующее обстоятельство. Несмотря на то, что императорский двор находился на территории многомиллионного Китая, а китайские церемониал и административная система оказали значительное влияние на монгольскую династию во всех отношениях, тем не менее, государственная символика монгольской династии произрастала из традиций монгольской культуры, образа жизни и системы ценностей, хотя и была официально соотнесена с буддийскими религиозными праздниками. Сугубо династийный культ Чингис-хана, его ритуалы и символика никогда не утрачивали связи с корневой основой – образом жизни и духом монгольского народа.

Мы лишь обращаем внимание на то, что в культе Чингис-хана присутствует эволюционная нить преемственности от культа вождя – лидера военного союза до всеимперского культа основоположника Монгольского государства, обожествлённого в последующих поколениях и не потерявшего своего значения до настоящего времени.

Список литературы

1. «Белая история» (Сагап теүке) – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. критического текста и пер. «Белой истории» П. Б. Балданжапова; иссл., сост. коммент., подгот. текста «Белой истории» к публ., пер. и коммент. к «Шаштре хана-чакравартина» и «Шаштре Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2001.
2. Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ» / иссл. и коммен. пер. на русск. яз. П. Б. Балданжапова; введение, подгот. к публ., доп. к коммент., пер. глав 45–47 Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор; Улан-Удэ: Адмон, 2012.
3. Дылыков С. Д. Эджен-Хоро // Филология и история монгольских народов. (Памяти акад. Б. Я. Владимирцова). М., 1958.
4. Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г. // САЖ. Vol. VI, № 3. 1961. P. 194–234.
5. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., иссл. и примеч. Н. Г. Шастиной. М.: Восточная литература, 1973.
6. Рашид ад-дин: сб. летописей / пер. с перс. А. К. Арэндса. М.; Л., 1946.
7. Содном Ч. Гүүний үрс гаргах ёс. Этнографийн тэмдэглэл // Studia Ethnographica. Т. II, fasc. 15. Улаанбаатар, 1965. С. 29–40.
8. «Шара туджи» – монгольская летопись XVII в. / сводный текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.

9. Chiodo Elisabetta. "The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan". A Mongolian Ritual Text // ZAS. Bd. 22. 1989/1991. C. 190–220; Part II: ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 84–144.
10. Chiodo Elisabetta. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün örlüg) according to the "Great Prayer" (Yeke öčig) // UAJ. Neue Folge. Bd. 13. 1994. C. 175–225.
11. Chiodo Elisabetta. The Black Standard (qara sülde) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // UAJ. Neue Folge. Bd. 15. 1997/1998. C. 250–254.
12. Sayang Sečen. Erdeni-yin tobči / Kökeöndür yarıyulan tayilburilaba. Köke qota, 1987.
13. Sagaster K. Ein Ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 145–151.
14. [Sagaster K.]. Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Kommentiert von K. Sagaster // AF, B. 41. Wiesbaden, 1976.
15. Sayin Jiryal, Šaraldai. Altan ordon-u tayily-a. Begejing, 1983.

References

1. «Belaja istorija» (Čayan teüke) – mongol'skij istoriko-pravovoj pamjatnik XIII–XVI vv. / sost. kritičeskogo teksta i per. «Beloj istorii» P. B. Baldanzhapova; issl., sost. komment., podgot. teksta «Beloj istorii» k publ., per. i komment. k «Shastre hana-chakravartina» i «Shastre Orunga» C. P. Vanchikovej. Ulan-Udje: Izd-vo BNC, 2001.
2. Galdan. Istorija, imenuemaja «Jerdjenijn jerihje» / issl. i kommen. per. na russk. jaz. P. B. Baldanzhapova; vvedenie, podgot. k publ., dop. k komment., per. glav 45–47 C. P. Vanchikovej. Ulan-Bator; Ulan-Udje: Admon, 2012.
3. Dylykov S. D. Jedzhjen-Hopo // Filologija i istorija mongol'skih napodov. (Pamjati akad. B.Ja. Vladimircova). M., 1958.
4. Zhamcapano C. Kul't Chingisa v Opdose. Iz puteshestvija v Juzhnuju Mongoliju v 1910 g. // CAJ. Vol. VI, № 3. 1961. P. 194–234.
5. Lubsan Danzan. Altan Tobchi («Zolotoe skazanie») / pep. s mong., issl. i ppimech. N. G. Shastinoj. M.: Vostochnaja literatura, 1973.
6. Rashid ad-din: sb. letopisej / pep. s peps. A. K. Apendsa. M.; L., 1946.
7. Sodnom Ch. Gyynij yrs gargah jos. Jetnografijn tjemdjegljel // Studia Ethnographica. T. II, fasc. 15. Ulaanbaatar, 1965. S. 29–40.
8. «Shara tudzhi» – mongol'skaja letopis' XVII v. / svodnyj tekst, per., vved. i prim. N. P. Shastinoj. M., 1957.
9. Chiodo Elisabetta. "The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan". A Mongolian Ritual Text // ZAS. Bd. 22. 1989/1991. C. 190–220; Part II: ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 84–144.
10. Chiodo Elisabetta. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün örlüg) according to the "Great Prayer" (Yeke öčig) // UAJ. Neue Folge. Bd. 13. 1994. S. 175–225.
11. Chiodo Elisabetta. The Black Standard (qara sülde) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // UAJ. Neue Folge. Bd. 15. 1997/1998. C. 250–254.
12. Sayang Sečen. Erdeni-yin tobči / Kökeöndür yarıyulan tayilburilaba. Köke qota, 1987.
13. Sagaster K. Ein Ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // ZAS. Bd. 23 (1992/1993). 1993. C. 145–151.
14. [Sagaster K.]. Die Weisse Geschichte (Čayan teüke): Eine mongolische Quelle zur Lehre von den Beiden Ordnungen, Religion und Kommentiert von K. Sagaster // AF, B. 41. Wiesbaden, 1976.
15. Sayin Jiryal, Šaraldai. Altan ordon-u tayily-a. Begejing, 1983.

Статья поступила в редакцию 19.02.2013